МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Косвенная экспроприация в международном частном праве

*Данельян А.А.**

В современной теории и практике международного инвестиционного права относительно принудительного изъятия иностранной собственности в последнее время наиболее актуальным остается вопрос о косвенной экспроприации. Несмотря на то, что термин «косвенная («ползучая») экспроприация» законодательно не закреплен, он активно употребляется в доктрине и арбитражной практике. Анализ судебной практики показывает, что суды стремятся развить и конкретизировать признаки косвенной экспроприации иностранной собственности таким образом, чтобы в конечном итоге можно было бы их закрепить в международно-нормативной системе. Международные арбитражные суды пытаются установить справедливый баланс между правами инвесторов и правами государства на регулирование.

Ключевые слова: национализация; экспроприация; иностранные инвестиции; собственность.

Национализация (экспроприация), понимаемая нами как прямое изъятие частной собственности правительством, с передачей титула или владения собственностью государству или третьему лицу, была одной из главных проблем международного права в течение всего XX века. Акты национализации в Советской России и в Мексике в 1920-х годах, социализация частной собственности в странах Восточной Европы после Второй мировой войны, изъятие иностранных

* Данельян Андрей Андреевич – к.ю.н., доцент, доцент кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД России. danel1@mail.ru.

инвестиций в развивающихся странах в ходе процесса деколонизации, а также споры в отношении нефтяных концессий в 1960-х и 1970-х годах представляют собою основные этапы экспроприации иностранной собственности.

За этими событиями последовали судебные споры с требованием о выплате инвесторам компенсации за экспроприированную собственность. Некоторые инвесторы выдвигали претензии и вели переговоры по вопросу выплаты компенсации. В конечном счете, эти усилия привели в отдельных случаях к заключению соглашений по урегулированию претензий, предусматривающих выплату единовременного вознаграждения за экспроприированную собственность бывшим владельцам имущества. В других случаях эти вопросы были решены путем прямого урегулирования, как правило, посредством арбитража между инвесторами и государством.

В 1979 году в Иране была произведена национализация банков и страховых компаний, что привело к возбуждению ряда дел в Трибунале по урегулированию ирано-американских претензий. К новой волне экспроприации можно отнести дело Зедельмайера, когда в середине 1990-х годов инвестиционный арбитраж установил, что Указ Президента Российской Федерации является актом прямой экспроприации. Последние события в Боливии и Венесуэле, касающиеся планов правительства экспроприировать собственность иностранных инвесторов в энергетическом секторе, а также национализация властями Венесуэлы в ноябре прошлого года торговой сети Дака могут проиллюстрировать возврат к прямой экспроприации.

Однако сегодня наиболее актуальным в международной практике является вопрос о косвенной экспроприации. Термин «косвенная экспроприация» законодательно не закреплен, он употребляется в доктрине и арбитражной практике. Косвенная экспроприация, на наш взгляд, производится путем нарушения права пользования имуществом, в результате которого происходит лишение владельца его имущества полностью или в значительной степени он лишается разумно ожидаемого экономического эффекта от собственности. Косвенная экспроприация может иметь место даже тогда, когда имущество остается неизменным и собственник может продолжать распоряжаться им, но возможность его использования утрачивается или сокращается.

Экспроприация может затронуть не только материальное имущество, но и широкий спектр нематериальных активов, представляющих

экономическую ценность для инвестора. Помимо собственности государство может экспроприировать неимущественные права и интересы, включая права, вытекающие из договора.

При экспроприации, в том числе косвенной, в первую очередь, встанет вопрос об определении понятий «собственность» и «инвестиции». Большинство двусторонних инвестиционных договоров (ДИД) и других документов, касающихся инвестиций, содержат широкие определения понятия «инвестиции». Любое имущество, на которое распространяется такое определение, подлежит защите не только от прямой, но и от косвенной экспроприации.

Одним из примеров косвенной экспроприации, в рамках которого рассматривается вопрос о том, что можно считать имуществом в целях экспроприации, является дело норвежской компании Shipowners. Спор возник из-за ряда законодательных и административных мер, принятых США во время Второй мировой войны в рамках подготовки к участию США в войне. Эти меры включали реквизицию и конфискацию судов, построенных на верфях США, в том числе тех, которые были построены по заказу иностранных лиц. Этими мерами были затронуты ряд судостроительных контрактов, заключенных норвежскими гражданами с американскими судостроителями. Когда усилия норвежского правительства по требованию выплаты компенсации в пользу своих граждан, помимо той, которая предусмотрена законодательством США, не принесли успехов, вопрос был передан на рассмотрение арбитража, чтобы тот разрешил выдвинутые претензии в соответствии с принципами права и справедливости и определил, какие суммы должны быть выплачены в качестве компенсации.

США полагали, что оспариваемые действия не могут рассматриваться как экспроприация. США утверждали, что права подрядчика по договору не могут рассматриваться как право собственности для целей международного права. Арбитражный суд отклонил это утверждение, и посчитал, что отмена действующих контрактов на строительство судов норвежских заказчиков является де-факто экспроприацией¹.

В деле Амосо трибунал по урегулированию ирано-американских претензий отметил: «Экспроприации, которая определяется как принудительное изъятие собственности, может распространяться на любые права, которые могут быть объектом коммерческой сделки...»².

Также арбитраж Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), действующий в соответствии

с Вашингтонской конвенцией 1965 года, признал, что права, предоставляемые договором, могут быть экспроприированы. В деле SPP, также известном как дело Пирамид, арбитражный суд отклонил аргумент о том, что термин экспроприация применяется только к вещным правам (*jus in rem*). В данном случае была конфискована не земля, а принадлежащее компании SPP право пользования земельным участком. Очевидно, что это право по своей природе является договорным, а не вещным. Тем не менее, арбитраж посчитал, что существуют значительные основания полагать, что контрактные права подлежат защите со стороны международного права и нарушение таких прав влечет за собой обязанность возместить ущерб³.

Таким образом, нематериальные активы, включая права по контрактам, защищены так же, как и право собственности. В случае если они подвергаются экспроприации, может наступить обязанность возместить ущерб. Трудность заключается в том, как провести различие между обычным нарушением условий контракта, влекущим за собой юридические последствия в соответствии с действующим национальным законодательством, с одной стороны, и экспроприацией контрактных прав, которая влечет за собой последствия в соответствии с нормами международного права, с другой стороны.

Главный принцип, позволяющий определить наличие факта экспроприации, заключается в том, что правительство или орган государственной власти должны осуществлять свое суверенное право, выступать в суверенном качестве. Этот критерий подтверждается судебной практикой. Так арбитраж МЦУИС в деле *Azigi* постановил, что нарушение может считаться мерой, равноценной экспроприации в зависимости от того, что государство нарушило условия договора, осуществляя свою суверенную власть, или как участник контракта⁴.

Большинство двусторонних инвестиционных договоров не рассматривают вопрос о косвенной экспроприации. Как правило, они запрещают прямую экспроприацию или меры, имеющие равнозначный эффект, и содержат только общее положение, устанавливающее условия, при которых экспроприация будет считаться законной.

Некоторые договоры могут включать ссылки на косвенную экспроприацию, назвав условия ее определяющие. Но, в общем, инвестиционные договоры редко пытаются определить косвенную экспроприацию. Если они пытаются это сделать, то делают это в негативном

ключе, описывая меры, которые государство не может осуществлять в качестве косвенной экспроприации.

Таким образом, экспроприация включает в себя не только открытое, целенаправленное изъятие собственности, как прямой захват с формальным обязательным переходом права собственности в пользу государства, но и скрытые действия или ограничения, которые имеют результатом лишение владельца полностью или в значительной части разумно ожидаемого экономического эффекта от его собственности.

Понятие косвенной экспроприации, безусловно, признается в практике международных судов и трибуналов. Более сложные вопросы возникают, когда становится необходимо определить фактические элементы, составляющие косвенную экспроприацию. Многие арбитражные суды описывали косвенную экспроприацию, как лишение или отказ в предоставлении льгот.

Экспроприация может произойти в отсутствие единовременного акта, подразумевающего изъятие собственности. Она может быть результатом ряда действий и/или бездействий, которые в сумме приводят к фактическому лишению права собственности. Таковую экспроприацию называют ползучей экспроприацией.

При ползучей экспроприации акцент делается на кумулятивный эффект от действия или бездействия, которые иногда могут позволить их характеризовать как экспроприацию в ретроспективе.

Согласно исследованию по вопросу изъятия имущества, проведенному ЮНКТАД, ползучую экспроприацию можно определить как медленное и постепенное посягательство на одно или несколько прав собственности иностранного инвестора, что снижает ценность инвестиций. Право собственности на имущество остается принадлежать иностранному инвестору, но права инвестора по использованию имущества уменьшаются в результате вмешательства со стороны государства⁵.

Концепция «ползучей» экспроприации широко одобрена арбитражной практикой. В деле *Biloune* арбитраж установил, что ряд действий и бездействий правительства, направленных на прекращение инвестором инвестиционного проекта, представляют собой косвенную экспроприацию. Каждое из этих действий, рассмотренное отдельно, не могло представлять собою экспроприацию. Но их общее количество вызвало окончательное прекращение работ по проекту. Дело касалось инвестиций гражданина Сирии Билоуна в строительство гостиничного и рекреационного комплекса в Гане. Фактические строительные работы

должны были осуществляться через совместное предприятие Marine Drive Complex Ltd (MDCL), в котором Билоун приобрел контрольный пакет акций. После существенной разработки проекта, правительственные чиновники приостановили разрешение на строительные работы. Впоследствии часть объекта была снесена, а в отношении Билоуна началось расследование и арест, которые в конечном итоге привели к его депортации. По мнению Трибунала, было ясно, что в совокупности принудительная приостановка работ, снос объекта, повестки, арест, содержание под стражей, требование о подаче декларации, а также депортация г-на Билоуна без возможности повторного въезда послужили причиной прекращения работы по проекту. По мнению Трибунала, такие действия представляют собою ползучую экспроприацию⁶.

Как видно из судебной практики, касающейся ползучей экспроприации, она может возникнуть в результате ряда действий. Однако различные инвестиционные трибуналы постановили, что в определенных обстоятельствах косвенная экспроприация может производиться в форме бездействия.

В деле Amco арбитраж МЦУИС прямо указал, что бездействие может представлять собой экспроприацию. Суд заявил, что: «Экспроприация в международном праве также может быть в результате не предоставления со стороны государства владельцу экспроприированного имущества судебной защиты, в результате чего с молчаливого согласия владелец де-факто остается во владении изъятой вещи»⁷.

Проблема регулирования косвенной экспроприации заключается в том, что достаточно сложно установить различие между косвенной экспроприацией и законными мерами государственного регулирования, которые не влекут за собой обязанность компенсации. Главная сложность состоит в определении точной границы между косвенной экспроприацией и мерами государственного регулирования, несмотря на то, что теоретически они достаточно хорошо и понятно определены.

С одной стороны, в судебных и арбитражных дебатах звучат утверждения о том, законные меры регулирования не являются косвенной экспроприацией и защита от экспроприации не должна де-факто заменять собой страхование инвестиций. С другой стороны, считается, что любое существенное лишение имущества, независимо от его цели, следует рассматривать как экспроприацию.

На наш взгляд важно было бы определить основные признаки косвенной экспроприации. На основании анализа решений международных

арбитражных судов по конкретным спорам можно предложить некоторые критерии, позволяющие определить, являются ли действия Правительства экспроприацией или осуществлением мер законного регулирования:

1) Степень нарушения имущественных прав. Как правило, незначительные ограничения или вмешательства в права собственности не являются косвенной экспроприацией. К настоящему времени в правоприменительной практике сложился определенный консенсус о том, что необходимо наличие определенной степени или уровня вмешательства в право собственности, чтобы квалифицироваться действия как экспроприацию. Требуется, по крайней мере, значительная потеря контроля управления или значительный экономический ущерб. При этом сложность заключается в вопросе установления точного размера нарушения или вмешательства.

2) Экспроприация может осуществляться не только в пользу государства, но и в пользу третьих лиц. Тот факт, что в результате экспроприации имущество может не поступать в собственность экспроприировавшего государства, было признан трибуналом по урегулированию ирано-американских претензий, когда трибунал предпочел термин «лишение» термину «изъятие». Несмотря на то, что в значительной степени эти термины являются синонимами, последний предполагает приобретение правительством в свою пользу нечто ценного, что совсем не является необходимым при экспроприации.

Термин экспроприация несет в себе оттенок изъятия имущества правительством с целью передачи права собственности на это имущество к другому лицу, обычно органу, осуществляемому его де-юре или де-факто властные полномочия.

Однако имущество может быть изъято для передачи третьим лицам. Арбитраж МЦУИС в деле Amco прямо постановил, что экспроприация существует не только тогда, когда государство изымает в свою пользу частную собственность, но и когда в результате экспроприации государством передает собственность другому юридическому или физическому лицу.

3) Конечный результат от действий правительства по отношению к правам инвестора. В соответствии с указанным критерием основным или даже единственным фактором в определении того произошло изъятие имущества или нет является сам эффект (результат) действий правительства, а не его цели или намерения.

Акцент на влияние правительственных мер в сопоставлении с правительственными намерениями вышел на первый план в ряде дел трибунала по урегулированию ирано-американских претензий.

Переход имущества под фактический контроль правительства подтверждает факт экспроприации и, соответственно, предоставляет бывшему владельцу право требовать компенсации в рамках международного права. Такой вывод является оправданным, когда реальные события показывают, что владелец был лишен права собственности и это лишение не является эфемерным. В данном случае намерение правительства является менее важным, чем последствия предпринятых им мер для владельца имущества, так же менее важными являются форма предпринятых мер или степень вмешательства, чем реальное их влияние на инвестора.

4) Законность, прозрачность и справедливость. Необходимость уважения принципа верховенства права, регламентации действий правительства с целью защиты от непропорционального обременения одной или другой части общества лежит в основе требования справедливого и прозрачного процесса принятия решений в вопросах экспроприации.

В деле Metalclad можно рассмотреть случай экспроприации, когда действия правительства были непрозрачными. Metalclad положила на обещанные ей со стороны федерального правительства Мексики гарантии. В связи с тем, что указанные гарантии своевременно и должным образом оформлены не были, муниципальные власти отменили этой компании разрешение на строительство, что является случаем косвенной экспроприации на основании непрозрачного (бюрократического) поведения правительства⁸.

В деле Фельдмана⁹ суд не нашел факта косвенной экспроприации в бюрократическом поведении чиновников, которое не соответствовало разумным ожиданиям. По мнению заявителя, непрозрачность имела место в то время, когда действия мексиканских налоговых органов были настолько произвольным, что представляют собой экспроприацию. Однако суд отклонил это требование не потому, что поверил в отсутствие прозрачности действий правительственных органов, а скорее потому, что посчитал сомнительным то обстоятельство, что отсутствие прозрачности можно поднять в данном случае до уровня нарушения международного права с учетом сложности не только мексиканского налогового законодательства, но и большинства других стран.

Суд отметил, что нельзя отрицать того, что истец испытал большие трудности в отношениях с налоговыми чиновниками. Тем не менее, такое нарушение нельзя считать нарушением международного права. Он просто добавил, что, к сожалению, налоговые органы в большинстве стран не всегда действуют последовательно и предсказуемо.

5) Защита законных ожиданий инвестора. Законные ожидания инвестора, как важный аспект защиты права собственности, были признаны специализированными арбитражными судами, трибуналом по урегулированию ирано-американских претензий и Европейским судом по правам человека.

В контексте инвестиционных споров разочарование инвестора в его законных ожиданиях от принимающего государства может сыграть решающую роль не только с точки зрения справедливого и равноправного отношения, но и в определении того имела ли место экспроприация.

Этот подход был отражен в тексте инвестиционных соглашений. Канадский типовой ДИД 2004 года прямо указывает, в какой степени мера или ряд мер другой Стороны, препятствующие достижению разумных инвестиционных ожиданий, должны учитываться третейским судом при определении того, составляют ли эти меры косвенную экспроприацию.

б) Пропорциональность занимает существенное место в судебной практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Основание для достижения этого баланса содержится в структуре статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, в частности втором предложении, которое следует рассматривать в свете общего принципа, сформулированного в первом предложении. Речь идет о соблюдении разумной соразмерности между используемыми средствами и преследуемой целью в любых случаях лишения человека его имущества.

В деле Спорронг и Лоннрот ЕСПЧ обнаружил, что такой пропорциональности не было. Предпринятые со стороны Швеции меры: введение запрета на долгосрочное строительство; уведомление о возможной в будущем экспроприации, нарушают справедливый баланс, который должен быть между защитой права собственности и требованиями общего интереса.

Хотя анализ пропорциональности осуществляется в контекст экспроприации, характерной для прецедентного права ЕСПЧ, такой подход присущ практике многих инвестиционных арбитражей.

7) **Дискриминация.** В судебной практике было высказано предположение о том, что определение дискриминационных действий правительства может быть актуальным в целях установления того, являются ли такие действия косвенной экспроприацией.

Необходимость наличия элемента дискриминационных намерений была особо подчеркнута в деле Methanex, где трибунал НАФТА пришел к выводу, что дискриминационное регулирование в отношении иностранного инвестора является ключевым требованием для установления факта экспроприации. В отсутствие каких-либо четких доказательств такого намерения он отказал в признании косвенной экспроприации. В этом контексте дискриминационное намерение или его факт служат только в качестве вспомогательного или дополнительного элемента, подтверждающего косвенную экспроприацию. Как таковой его следует отличать от других дискриминационных государственных мер, противоречащих таким инвестиционным стандартам, как режим наиболее благоприятствуемой нации или национальный режим, которые, как правило, содержащихся в ДИД и других инвестиционных соглашениях.

Несмотря на то, что вопрос о косвенной экспроприации поднимался и обсуждался в **международной** судебной практике во многих делах, только в некоторых из них были установлены факты экспроприации.

Во-первых, непропорциональное увеличение налогов может быть расценено, как акт косвенной экспроприации. Хотя чрезмерное или произвольное налогообложение иногда упоминается как пример косвенной экспроприации, есть несколько случаев, в которых действительно принятые налоговые меры представляют собой незаконное нарушение права собственности.

Косвенная экспроприация была установлена в деле «*Revere Copper v OPIС*», когда налоги были повышены до такой степени, что инвестиции стали экономически нецелесообразными.

Спор возник между американским инвестором на Ямайке *Revere Copper* и агентством по страхованию иностранных инвестиций ОРИС. Инвестор стремился получить компенсацию за действия, носящие характер экспроприации со стороны принимающего государства. Первоначально инвестор заключил соглашения с правительством Ямайки, в котором содержалось положение о стабилизации в отношении налогов и других финансовых платежей. Впоследствии в нарушение этого соглашения правительство резко увеличило налоги и отчисления.

Когда ОПИС отказался произвести платеж по договору страхования, обеспечивающего покрытия экспроприации, утверждая, что не было никакого лишения эффективного контроля, *Revere Copper* возбудило арбитражное разбирательство. Суд квалифицировал ямайские меры следующим образом: «На наш взгляд эффект от действия правительства Ямайки, отказавшегося от своих долгосрочных обязательств по соглашению, имеют по существу такое же влияние на эффективный контроль, если бы они сами уступили свои права по концессионному договору, что была отвергнуто ... ОПИС утверждает, что истец имеет все права и имущество, он является собственником завода и других объектов; он имеет свой горный отвод; он может работать, как и раньше. В формальном смысле это может быть так, но ... мы больше не рассматриваем контроль истца за использованием и эксплуатацией объекта как эффективный с точки зрения прекращения правительством своих контрактных прав»¹⁰.

Во-вторых, изъятие собственности третьего лица, которое приводит к прекращению договора управляющей компании, может быть одной из форм косвенной экспроприации. В *деле, затрагивающем некоторые интересы Германии в польской Верхней Силезии*, Постоянная Палата Международного Правосудия постановила, что польские меры экспроприации, направленные против немецкого владельца завода, составили косвенную экспроприацию в отношении другой немецкой компании, которая имела право на управление и эксплуатацию завода в соответствии с договором. Суд постановил, что не только владелец завода был подвергнут экспроприации, но и договорные права управляющей компании также были экспроприированы.

В-третьих, вмешательство в договорные правоотношения, ведущее к нарушению или расторжения договора со стороны бизнес-партнера инвестора, может считаться косвенной экспроприацией. Пример такой косвенной экспроприации можно найти в решении по делу «*CME v The Czech Republic*»¹¹. Суд постановил, что «... не было никакого физического изъятия имущества со стороны государства ... была затронута и значительно снижена ... коммерческая стоимость инвестиций ... по причине мер, принятых Медиа-советом ...»¹².

Чешский Медиа-совет, являющийся регулирующим органом, в результате вмешательства в инвестиционный проект создал правовую ситуацию, которая позволила местным партнером иностранного инвестора расторгнуть инвестиционный договор. Суд установил, что

Медиа-совет своими действиями вынудил инвестора изменить контракт с его бизнес-партнерами, что отрицательно отразилось на его правовой защищенности»¹³.

В-четвертых, косвенная экспроприация может иметь место в случае существенного нарушения договорных прав, когда это нарушение вызвано дискриминационными намерениями. В деле *Eureko*, трибунал установил косвенное нарушение договорных прав со стороны польского государства. Дело касалось приватизации государственной страховой компании. Суд установил, что после первоначального приобретения голландской компанией 30 процентов акций, этот инвестор в соответствии с условиями договора получил право приобрести дополнительный пакет акций. Это право было характеризовано как реальный актив инвестора, которого он лишился в результате действий принимающего государства. Суд постановил: «Отказ Польши от последующей продажи акций является явно дискриминационным. Эти меры были предприняты с целью сохранения государственного контроля над польской страховой компанией и исключения контроля со стороны иностранного инвестора. Это дискриминационное поведение польского правительства помешало Сторонам заключить договор купли-продажи акций дополнительно к первоначальному пакету акций»¹⁴.

Пятый пример косвенной экспроприации заключается во вмешательстве в процесс управления инвестициями. В ряде случаев косвенная экспроприация была осуществлена в результате действий правительства, которое физически и/или юридически препятствует управлению инвестициями путем непосредственного ограничения возможности управления, либо замены управляющего подконтрольным правительству лицом. Примером первого может служить арест и высылка инвестора или других лиц, которые играют ключевую роль в процессе инвестирования. Ранее указанное дело *Viloune* наглядно иллюстрирует эту ситуацию.

В деле «*Benvenuti и Bonfant*»¹⁵ арбитраж МЦУИС пришел к выводу, что кумулятивный эффект серии правительственных действий и бездействий, в числе которых фиксация цены продажи продукции, возбуждение уголовного дела в отношении инвестора, который затем покинул страну, изъятие помещений инвестора, составили де-факто экспроприацию.

Другой формой прямого вмешательства в управление инвестициями, которая может представлять собой косвенную экспроприацию, является назначение руководителей правительством принимающей

страны. В судебной практике трибунала по урегулированию ирано-американских претензий назначение руководителей правительством было квалифицировано как косвенная экспроприация, когда в результате действий менеджеров, назначенных правительством, или наряду с другими актами инвестор был лишен своих прав собственности. Важнейшим элементом для установления косвенной экспроприации в этих случаях, была степень ущерба, вызванная назначением менеджеров¹⁶.

В-шестых, примером косвенной экспроприации является отзыв или отказ в выдаче государством разрешений и лицензий, когда такое вмешательство нарушает права инвестора до такой степени, что это расценивается как косвенная экспроприация. Впрочем, не только аннулирование существующих прав, но и отказ в выдаче разрешений, на которые инвестор законно мог рассчитывать, было расценено арбитражной практикой как косвенная экспроприация.

Дело «*Goetz*»¹⁷ и дело «*Middle East Cement*»¹⁸ являются примерами решений арбитража МЦУИС, где был рассмотрен вопрос отмены льгот инвесторам и режима зоны свободной торговли, что представляет собой меры, имеющие эффект аналогичный экспроприации. В обоих случаях, имущественные права инвесторов не были непосредственно затронуты. Государственные меры в виде запрета импорта были равносильны экспроприации.

Таким образом, анализ судебной практики, приведенной в данной статье, показывает, что суды стремятся развить и конкретизировать признаки косвенной экспроприации таким образом, чтобы в конечном итоге можно было бы их закрепить нормативно. Решению этой проблемы может способствовать определение основных критериев косвенной экспроприации, предложенных автором статьи.

Суды и трибуналы пытаются установить справедливый баланс между правами инвесторов и правами государства на регулирование. В то время как анализ судебной практики дает основания предположить, что государства постепенно лишаются свободы в вопросах регулирования, на самом деле в большинстве инвестиционных споров признаки экспроприации установлены не были.

Это общее нежелание органов по разрешению инвестиционных споров делать выводы о наличии экспроприации, очевидно, претворяет в жизнь последние тенденции в области ДИД и других инвестиционных соглашений, которые предусматривают достаточно подробные правила, касающиеся определения косвенной экспроприации.

Indirect Expropriation in Private International Law (Summary)

*Andrei A. Danelyan**

In the modern theory and practice of international investment law on forced removal of foreign ownership, the issue of indirect expropriation remains topical. Despite the fact that the term “indirect (“creeping”) expropriation” is not legally secured, it is actively used both in the doctrine and arbitration practice. Analysis of judicial practice shows that the courts tend to develop and specify the signs indirect expropriation of foreign property so that eventually they could be fixed in the international regulatory system. International arbitration courts are trying to establish a fair balance between the rights of investors and the rights of the state to regulate.

Keywords: nationalization; expropriation; foreign investment; property.

¹ Norwegian Shipowners’ Claims, above n. 26 at. 323.

² Amoco International Finance Corp v Iran, above n 37 at para 108.

³ SPP v Egypt, Award, 20 May 1992, 31 CSID Reports 89, at 228, para 64.

⁴ Azurix v Argentina, above n 15 para 315.

⁵ UNCTAD, above n 17 at uff.

⁶ Biloune, above n 47 at 209.

⁷ Amco Asia Corporation v Republic of Indonesia, ICSID Case № ARB/81/1, Award, 20 November 1984, 1 ICSID Reports 413, 455 (1993).

⁸ The requirement of an «orderly process» was noted with regard to the measures of the Mexican environmental authorities, Metalclad Corp v United Mexican States, above n 103 at para 107.

⁹ Marvin Feldman v Mexico, above n 104 at para 101.

¹⁰ Revere Copper, above n 183.

¹¹ CME v The Czech Republic, Partial Award, 13 September 2001, above n 48.

¹² Ibid para 591.

¹³ CME v The Czech Republic, n 48 above, at paras 591-609.

¹⁴ Ibid at para 242.

¹⁵ Benvenuti and Bonfant, above n 128.

¹⁶ Phillips Petroleum Co v Iran, above n 40.

¹⁷ Goetz and Others v Republic of Burundi, Award, 2 September 1998, 6 ICSID Reports 5.

* Andrei A. Danelyan – Ph.D. in Law, associate professor, associate Professor of Private International Law of the Diplomatic Academy MFA Russia. danel1@mail.ru.

¹⁸ Middle East Cement Shipping and Handling Co SA v Arab Republic of Egypt, Award, 12 April 2002, 7 ICSID Reports 178.